

Эта встреча за обедом оказалась провальной, ни одна из намеченных тем не была обсуждена. Хотя внешне все трое выглядели довольными, стоит ли говорить об успехе, если даже когда Цзян Чжунюнь замысловато упомянул о своей партии опиума, председатель Фан тут же ловко сменил тему?

Успешный обед — это не просто видимость веселья. Абсолютно нет.

— В ближайшее время будь осторожнее. Этот председатель Фан, скорее всего, не в ладах с теми, кто стоит над тобой, — предупредил старик Цю.

— Хорошо, отец.

— Завтра я возвращаюсь в Цзяннань. Утром привезу Ян Яна.

Каждый раз, говоря о Цзян Яне, старик Цю не мог сдержать вздоха. Он считал, что его внук не должен быть таким, просто не должен.

— Хорошо.

— Не беспокойся слишком сильно. Я вернусь и ещё раз пообщаюсь с теми, кто наверху... Думаю, недели через две дам тебе ответ.

Цзян Чжунюнь полностью доверял старику Цю, хотя тот, в свою очередь, не слишком доверял своему зятю.

На следующее утро старик Цю действительно привёз Цзян Яна в дом семьи Цзян на автомобиле.

— Ян Ян, ты знаешь, — старик Цю держал на руках своего внука, словно фарфоровую куклу, — ты — самое дорогое для дедушки. Если кто-то обидит нашего Ян Яна, я этого не потерплю.

Большая часть состояния старика Цю находилась в Цзяннани. Пробыв в Цзянцзине столько времени, он наконец был вынужден вернуться. Его корни были в Цзяннани.

— Отец, кто бы посмел обидеть Ян Яна? — Цзян Чжунюнь понимал, что все эти слова старика были адресованы ему, поэтому выразил свою позицию. Он тоже не позволил бы никому обижать своего сына.

Старик Цю улыбнулся:

— Чжунюнь, старик помнит, у тебя ведь есть наложница, верно?

...

Независимо от дел, бизнеса или чего-либо ещё, некоторые вещи стоит лишь слегка обозначить, намекнуть. Сказать слишком много — только навредить.

Цзян Чжунюнь долго и тщательно обдумывал, взвешивая значение своей наложницы и влияние старика Цю. В конце концов, он понял, что должен отказаться от своей наложницы. Но люди по природе своей склонны цепляться за старое, хотим мы того или нет. Цзян Чжунюнь, хоть и не был человеком сентиментальным и преданным, тоже не мог просто так отпустить прошлое.

После смерти матери Цзян Яна у Цзян Чжунюня было немало женщин, но в дом он привёл только одну наложницу — Лю Фаня.

Нельзя отрицать, что Цзян Чжунюнь испытывал к Лю Фаня некоторые чувства. А чувства — это не то, что можно просто взять и выбросить, когда захочется.

— Отец, — после долгих раздумий Цзян Чжунюнь наконец сказал, — я отошлю её подальше.

Семья Цзян была большой, и Цзян Чжунюнь знал, что некоторые наложницы могут быть очень коварными, особенно по отношению к детям, которые не были их родными. Он хотел верить, что Лю Фаня — добрая женщина, но он также понимал, что добрые люди в таких больших семьях долго не выживают. А те, кто выживает, неизбежно меняются.

Старик Цю кивнул, услышав это. Он знал, что мужчинам редко удаётся оставаться верными, а если и удаётся, то это редко длится долго. Тем более его дочь уже ушла.

Желание старика Цю было простым: чтобы его драгоценный внук не подвергался обидам. И, конечно, чтобы никто не мог отнять у внука то, что принадлежало ему, включая всё состояние семьи Цзян.

Старик Цю также знал, что у Цзян Чжунюня был ещё один сын, которого уже привезли в дом Цзян. Но он понимал: заставить мужчину отказаться от женщины — это одно, а заставить отца отказаться от собственного сына — совсем другое, особенно если этот отец чувствует перед сыном вину.

В Цзянцзине у старика Цю был свой дом, который он купил после смерти своей единственной дочери, чтобы навещать и заботиться о Цзян Яне. В последнее время Цзян Ян жил там вместе с дедушкой и бабушкой.

— Ян Ян, дедушка возвращается в Цзяннань. Будь послушным дома, — сказал старик Цю, глядя на Цзян Чжунюня, — и слушайся отца.

Цзян Ян был очень привязан к своему дедушке, и, услышав, что тот уезжает, сразу же начал капризничать.

— Нет, нельзя! Я не позволю дедушке уехать в Цзяннань, я не позволю! Я не позволю тебе уйти! — Последнее «я» заставило всех вокруг переглянуться.

На этот раз Цзян Ян разошёлся не на шутку. Видя, что внук вот-вот заплачет, старик Цю, недолго думая, поцеловал его, передал на руки Цзян Чжунюню и сам быстро ретировался.

Старик Цю очень хотел остаться с внуком, но он должен был вернуться в Цзяннань. Должен.

Как только он вышел за ворота дома Цзян, он увидел свою жену, стоящую у машины.

— Плакал? — спросила она.

— Собирался.

С этими словами старик Цю взял жену за руку, они сели в машину, и та тут же тронулась.

Цзян Чжунюнь был в полной растерянности перед своим сыном, который капризничал и кричал.

Обычно родители в таких случаях просто отшлёпали бы ребёнка. Но проблема была в том, что Цзян Ян был не обычным ребёнком. С рождения у него диагностировали врождённый порок сердца, а теперь обнаружили и лёгкую эпилепсию. Даже когда он просто ходил, боялись, как бы он не умер внезапно. Тут уж не до шлёпанья.

Когда Цзян Ян начал так сильно капризничать, что появились признаки эпилептического припадка, Цзян Чжунюнь не мог больше сидеть сложа руки.

— Родной, не плачь.

Цзян Чжунюнь обнял сына, поглаживая его по спине, и начал ходить с ним туда-сюда.

— Давай я отведу тебя в театр!

К удивлению всех, Цзян Ян тут же перестал плакать.

Он только моргнул своими большими глазами:

— Правда?

Ха, этот ребёнок оказался настоящим театралом, прирождённым.

Цзян Чжунюнь улыбнулся:

— Конечно.

Слово нужно держать, и в тот же день Цзян Чжунюнь отвёл Цзян Яна в один из лучших театров Цзянцзиня и заказал представление.

Цзян Чжунюнь сам разбирался в театре и любил его. Как только актриса, играющая женскую роль, запела, он понял, что спектакль будет хорошим.

Обычно детей не брали на такие представления, а если и брали, то только для того, чтобы они посмотрели на яркие костюмы. Мало кто из детей действительно понимал, что происходит на сцене.

Но Цзян Ян был другим. Казалось, он действительно понимал происходящее. Если актёры играли хорошо, он слегка кивал, если плохо — качал головой. Он был тихим и сосредоточенным, совсем не таким, как обычно.

Было странно, что в его возрасте он увлёкся театром, но он действительно погрузился в него.

Это было предзнаменованием того, что Цзян Ян станет настоящим театралом.

Цзян Чжунюнь, наконец успокоивший своего сына, невольно почувствовал гордость за себя. В этот момент с Цзян Яном было действительно трудно справиться.

— Господин Цзян, снаружи господин Вэнь, узнав, что вы смотрите спектакль, хочет войти. Что прикажете? — Владелец театра с маленькими усами подошёл к Цзян Чжунюню.

— Господин Вэнь? Неужели Вэнь Сюй? — Цзян Чжунюнь обрадовался. Он всегда хорошо ладил с Вэнь Сюем. Они даже могли считаться друзьями детства, проведя вместе юные годы в Цзянцзине и позже помогая друг другу в бизнесе. Их отношения были намного ближе, чем у обычных деловых партнёров.

Владелец театра кивнул:

— Именно господин Вэнь.

Цзян Чжунюнь улыбнулся:

— Быстро, быстро, пригласите его.

Цзян Чжунюнь и Вэнь Сюй были очень близки, их отношения даже напоминали братские. Конечно, это было в основном потому, что сферы их бизнеса не пересекались.

— Ха-ха, Лао Цзян, ты и правда здесь! — Вэнь Сюй вошёл с громким смехом. Ему было около сорока, он был крепким, с узкими глазами и козлиной бородкой, что делало его очень дружелюбным.

Цзян Чжунюнь и Вэнь Сюй были ровесниками и уже привыкли называть друг друга «Лао Цзян» и «Лао Вэнь».

<http://bllate.org/book/16249/1461214>